

ХАРУКИ
МУРАКАМИ

Мы можем пойти куда угодно
и не можем пойти никуда.

Медленной шлюпкой
в Китай

Харуки Мураками Медленной шляпкой в Китай (сборник)

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=139591

Мураками, Харуки. Медленной шляпкой в Китай: Эксмо; Москва; 2017

ISBN 978-5-699-95542-8

Аннотация

«Медленной шляпкой в Китай» – первая книга короткой прозы японского классика современной мировой литературы Харуки Мураками. «В ней представлена большая часть того, что можно назвать моим миром», – говорил об этой книге сам автор. Безумный стилистический фейерверк, пронзительная нежность, трагизм и юмор мировосприятия, романтический сюрреализм будущего автора «Хроник Заводной Птицы» и «Послемрака».

Содержание

Медленной шляпкой в Китай	5
1	5
2	9
3	17
4	27
5	35
История бедной тетушки	38
1	38
2	43
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Харуки Мураками Медленной шлюпкой в Китай

Haruki Murakami

Chūgoku-yuki no surō bōto

© 1983 by Haruki Murakami

© Замилов А., перевод на русский язык, 2017

© Издание на русском языке, оформление. ООО
«Издательство «Э», 2017

Медленной шлюпкой в Китай

*На шлюпку в Китай
Я тебя посажу,
Чтоб остаться с тобою вдвоем...
Старая песня¹*

1

Когда я впервые познакомился с китайцами?

Рассказ мой начинается с этой археологической проблемы. Всевозможные раскопки обзаводятся бирками, сортируются и анализируются.

И все же – когда я впервые познакомился с китайцами?

Наверное, в 1959 или 1960-м. Разницы нет. В том или ином году – отличие невелико. А если быть точным – ничтожно. Для меня оба эти года – что близнецы-уродцы в плохо сидящей одежде. И если бы в реальности можно было сесть в машину времени и вернуться туда, мне бы пришлось попотеть, чтобы отличить один год от другого.

Но даже при этом я терпеливо продолжаю работу. Раскоп

¹ Песня «Медленной шлюпкой в Китай» написана в 1948 г. американским композитором и поэтом-песенником Фрэнком Генри Лёссером (1910–1969). – *Здесь и далее примечания переводчика.*

ширится, новые артефакты, хоть и в скромных количествах, но появляются.

О! Точно! В том году чемпионский титул в тяжелом весе оспаривали Йоханссон и Петерссон. А раз так, достаточно пойти в библиотеку и проверить спортивную рубрику в старых газетных подшивках. Тут-то все и выяснится.

На следующее утро я сел на велосипед и поехал в ближайшую муниципальную библиотеку. Сбоку от входа в здание почему-то располагался курятник, где пять куриц завершали то ли поздний завтрак, то ли ранний обед. Погода была великолепной, и прежде чем войти, я присел на плоский камень перед курятником – выкурить сигарету. А пока сигарета курилась, я неотрывно наблюдал, как птицы едят. Куры неугомонно клевали зерно. Они это делали так суетливо, что походило на древние кадры дерганой кинохроники.

После выкуренной сигареты во мне что-то однозначно изменилось. Почему – не знаю. Однако не понимая, что именно, отвлекшись от пяти куриц и одной сигареты, такой весь новоиспеченный, я очертил перед собой две проблемы.

Первая: кого интересует точная дата моей первой встречи с китайцами?

Вторая: что мы – я и подшивка старых газет на столике в читальном зале – еще должны между собою понять в этот солнечный день?

Резонные проблемы. Перед курятником я выкурил еще одну сигарету, затем сел на велосипед и попрощался и с ку-

рами, и с библиотекой. Потому как нет имени у парящей в небе птицы, у моей памяти нет дат.

Впрочем, дат нет фактически у *всей* моей памяти. Память у меня неточна. Порой из-за этой неточности я ловлю себя на мысли, что должен кому-то и что-то объяснить. Но когда дело доходит до объяснения – не знаю, что именно. По-моему, точно понимать, что может объяснить неточность, – маловероятно.

Как бы то ни было, память моя поэтому жутко туманна, если так можно сказать. Начало стремится назад, конец метит вперед, меняются местами мысли и факты, иногда смешиваются мой личный и какой-то посторонний взгляды. Такое даже памятью назвать уже нельзя. Поэтому за все свои школьные годы (шесть странно-печальных лет послевоенной демократии, империя уже закатилась) точно я могу вспомнить всего два события. Первое – эта история с китайцами, еще одно – бейсбольный матч в какие-то летние каникулы. Тогда я играл в центре, и в третьем иннинге у меня случилось сотрясение мозга. Случилось, разумеется, не на ровном месте. Для матча нашей команде выделили только угол стадиона старшей школы, что и стало главной причиной моего сотрясения. Короче, преследуя со всех ног улетающий за мою базу мяч, я ударился лицом о столб баскетбольного щита.

Открыв глаза, я понял, что лежу на скамье под какой-то полкой с виноградом, день клонится к закату; первое, что

я почувствовал, – свежесть воды, окропившей сухое бейсбольное поле, и запах новой кожи от перчатки, подложенной мне под голову. И вялую боль в виске. Я что-то бормотал. Не помню. Потом приятели рассказали мне, пряча глаза, что именно. Вот что я говорил:

– Все в порядке – если стряхнуть пыль, есть еще можно.

Откуда взялась эта фраза, до сих пор не могу понять. Видимо, приснилась. Может, это был сон, в котором я нес хлеб для обеда нашего класса и на лестнице упал, растеряв весь хлеб? Больше из этих слов я ничего представить себе не могу.

Эта фраза по сей день – спустя двадцать лет – не выходит у меня из головы.

Все в порядке – если стряхнуть пыль, есть еще можно.

И вот, удерживая эти слова в голове, я думаю о своем существе, о том пути, который мне необходимо пройти. Еще я думаю о той точке, к которой, в конечном итоге, естественным образом сводятся все мысли, – о смерти. Размышления о смерти для меня – как минимум занятие жутко созерцательное. И смерть почему-то напоминает мне о китайцах.

2

В ту начальную школу для китайских детей, расположенную у сопки портового города (название школы я напрочь забыл, поэтому для удобства буду называть ее китайской; это, конечно, странное название, но, думаю, меня простят), я попал, потому что в ней назначили проведение подготовительного теста. Школ отобрали несколько, но из нашей на тест в китайскую отправили меня одного. Причины не знаю. Скорее всего, какая-нибудь канцелярская ошибка. Из нашего класса всех направили в ближайшую к нам школу.

Я останавливал всех подряд и расспрашивал об этой школе. Но никто ничего о ней не знал. Говорили только, что ехать до нее полчаса на электричке. А поскольку тогда я один никуда еще не ездил на электричках, то для меня поездка эта стала равносильна путешествию на *край света*.

Китайская школа на краю света.

* * *

Через две недели, в воскресенье утром, я в страшно мрачном настроении наточил дюжину новых карандашей и, как было велено, уложил в полиэтиленовую сумку бэнто² и тап-

² Бэнто – традиционный японский обед в коробочке с отделениями.

ки. Осенний день был солнечный и даже несколько жарковатый. Мать заставила меня надеть толстый свитер. Я один сел в электричку и, чтобы не проехать нужную станцию, стоял всю дорогу у двери, внимательно разглядывая пейзажи за окном.

Я сразу узнал школу – даже не глядя на оборот экзаменационной карточки, где напечатали схему. Нужно было просто идти вслед за группой школьников, чьи сумки тоже раздувались от обедов и тапок. Колонны десятков, сотен школьников двигались в одном направлении по крутому склону. Странная картина. Они не пинали на ходу мячи, не срывали кепки у малышей – просто молча шли вперед. Их фигуры мне напомнили неравномерное вечное движение. Взираясь по склону, я продолжал обливаться потом в толстом свитере.

Вопреки моим смутным представлениям, снаружи китайская школа мало чем отличалась от нашей; было видно, что со временем она тоже теряет лоск. Темные и длинные коридоры, застойный воздух... За две последние недели школа эта занимала все мои мысли, но увиденное меня разочаровало. Проходишь в изящные ворота – и перед тобой длинный изгиб мощеной тропинки среди кустиков, а на чистой воде пруда перед входом играют яркие лучи утреннего солнца. Вдоль школы в ряд высажены деревья, и на каждом – бирка с пояснением на китайском. Некоторые иероглифы я знаю, некоторые нет. Перед зданием – двор с квадратной спортивной площадкой, в углах которой непременно что-нибудь сто-

ит: чья-то статуя, белый метеоящик, железный шест.

Я, как велели, переобулся на входе, как велели, прошел в класс. В светлой комнате ровными рядами стояли сорок аккуратных парт с откидными крышками, и на каждой клейкой лентой были прикреплены листки бумаги с номерами. Мое место оказалось в первом ряду у окна, точнее – самый первый номер в этом классе.

Доска была совсем новая, темно-зеленая, на кафедре – коробка с мелом и ваза, а в вазе – один цветок хризантемы. Все чистое и аккуратно расставлено. На пробковой доске на стене – ни чертежей, ни сочинений. Может, все это специально сняли, чтобы нам не мешало? Я сел на стул, выложил пенал и подстилку, подпер руками щеки и закрыл глаза.

Инспектор с пачкой листков для ответов под мышкой вошел в класс через пятнадцать минут. На вид ему было не больше сорока, он слегка прихрамывал и как бы подволакивал левую ногу.левой рукой инспектор опирался на трость. Похожую на те, из дерева сакуры, грубой работы, что продаются в сувенирных магазинах предгорий. Хромота инспектора выглядела так естественно, что бросалась в глаза лишь простота трости.

Сорок учеников начальных школ, глядя на инспектора, точнее – на листки для ответов, угомонились.

Поднявшись на кафедру, инспектор прежде всего положил пачку на стол, затем, тихо звякнув, сунул трость под мышку, проверил, нет ли отсутствующих, откашлялся и

вскользь бросил взгляд на часы. После чего, опираясь на стол руками, словно поддерживая себя, поднял голову и уставился в угол потолка.

Молчание.

Тишина длилась пятнадцать секунд. Напряженные школьники, затаив дыхание, впивались глазами в листки на столе, пока хромой инспектор неотрывно смотрел в угол. Он был в светло-сером пиджаке, белой рубашке, галстук такой блеклый, что отведи взгляд – и тут же забудешь и цвет, и рисунок. Инспектор снял очки, не спеша протер линзы платком с обеих сторон и вернул очки на переносицу.

– Я назначен инспектором на ваш тест. Когда вам раздадут листки, оставьте их перевернутыми обратной стороной. Не вздумайте переворачивать без команды. Руки положите на колени. Когда я скажу «да» – приступите к заданию. За десять минут до окончания я скажу «осталось десять минут». Еще раз проверите, нет ли мелких ошибок. Когда я опять скажу «да» – конец. Перевернуть листки лицом вниз и положить руки на колени, ясно?

Молчание.

– Не забудьте также написать свое имя и экзаменационный номер.

Молчание.

Он еще раз взглянул на часы.

– А теперь есть еще десять минут. За это время мне хотелось бы с вами немного поговорить. Расслабьтесь.

В классе выдохнули.

– Я – учитель из этой школы, китаец.

* * *

Да, так я впервые познакомился с китайцем.

Но на китайца он совсем не походил. И это естественно. До тех пор я китайцев не видел ни разу.

– В этом классе, – продолжал он, – изо всех сил учатся такие же, как и вы, китайские школьники примерно одного с вами возраста... Как вы знаете, Китай и Япония – соседи. А чтобы все жили хорошо, прежде всего должны дружить соседи. Ведь так?

Молчание.

– Конечно, у двух наших стран есть что-то общее, что-то отличается. Есть то, в чем мы понимаем друг друга. Кое в чем – нет. Ведь такое бывает и у вас с друзьями. Какими близкими бы ни были друзья, есть то, что и они понять не могут. Верно? То же самое возникает между нашими странами. Но мы верим, что если стараться, мы непременно станем ближе друг другу. Но для этого мы должны прежде всего друг друга уважать. И это... первый шаг.

Молчание.

– Представьте себе. Если в вашу школу придет на тест много китайских детей. Так же, как это сейчас делаете вы, за ваши парты сядут китайские дети. Задумайтесь.

Недоумение.

– Утром в понедельник вы приходите в школу, садитесь на свои места. И вдруг замечаете, что столы исписаны каракулями и поцарапаны, по стульям размазана жвачка, нет одного из двух ваших тапок в парте. Что вы при этом почувствуете?

Молчание.

– Например, вы, – показал он на меня. Видимо, потому, что у меня был первый номер. – Вам это понравится?

Все посмотрели на меня.

Я, покраснев, замотал головой.

– Вы можете уважать китайцев?

Я кивнул.

– Поэтому, – он обернулся прямо ко мне; все взгляды наконец-то вернулись к кафедре, – писать на партах, размазывать по стулу жвачку, трогать вещи в партах нельзя. Понятно?

Молчание.

– Китайские школьники отвечают лучше вас.

– Да, – ответили хором сорок учеников. Точнее – тридцать девять. Я даже не смог раскрыть рта.

– А теперь поднимите головы и наберите воздух полной грудью.

Мы подняли головы и набрали воздух полной грудью.

– Уважайте себя.

Результаты теста двадцатилетней давности я забыл на-

прочь и помню лишь фигуры шагающих по склону школьников и того китайского учителя.

Спустя шесть-семь лет в такой же ясный приятный день я – выпускник старшей школы – шел с одноклассницей по тому же склону. Я был в нее влюблен. Что она думала обо мне, я не знаю. В любом случае это было нашим первым свиданием. Мы вместе ходили в библиотеку и теперь возвращались. По пути зашли в кафе на склоне и выпили кофе. Там я рассказал ей историю о китайской школе. Когда я закончил, она захихикала:

– Поразительно! Я тоже сдавала тест в тот же день и в том же месте.

– Да ну?

– Правда! – Одноклассница налила сливки в тонкую чашку. – Только класс был другой. У нас такого монолога не было.

Она взяла чайную ложечку и, как бы заглядывая в чашку, несколько раз помешала кофе.

– У вас инспектором был китаец?

Она покачала головой:

– Не помню. Еще бы, я о таком даже не думала.

– А на парте писала?

– На парте?

– Каракули.

Она задумалась, прижавшись губами к краю чашки.

– Слушай, не помню, давно это было. – И она слегка улыб-

нулась.

– А помнишь, какие красивые были парты – они прямо сверкали? – спросил я.

– Да, пожалуй, так оно и было, – вроде безучастно ответила она.

– Как бы это сказать... По всему классу стоял запах *тишины*... Нет, правда, словно какая-то вуаль тонкая. И вот... – Я задумался, держа в руке ложку. – Сорок столов, все сверкают, доска тоже красивая такая, зеленая.

Мы немного помолчали.

– Не рисовала на парте? Или не вспомнишь?

– Нет, не вспомню, – засмеялась она. – Конечно, если вдуматься, я могла так сделать... Просто давно это было...

Пожалуй, ее слова звучали разумнее моих: кто помнит, что мог написать на парте столько лет назад. Дело давнее, да и какая теперь разница.

Проводив ее до дома, в автобусе я закрыл глаза и попытался представить себе одного китайского мальчика. Который в понедельник утром обнаружил на своей парте чьи-то каракули.

Молчание.

3

Старшая школа находилась в портовом городе, поэтому меня окружало довольно много китайцев. Китайцы – но от нас почти ничем не отличаются. При этом у нас с ними тоже нет каких-либо общих ярко выраженных особенностей. Каждый сам по себе, они очень разные, и в этом смысле мы с ними абсолютно одинаковы. Я считаю, что индивидуальность каждого человека превосходит всякие категории и общие соображения.

В моем классе тоже было несколько китайцев. Кто-то мог похвастать успехами, кто-то нет; были среди них жизнерадостные, но были и нелюдимы. Некоторые жили чуть ли не во дворцах, а некоторые ютились в однокомнатных квартирках. Люди все разные. Но ни с кем из них я особенно близок не был. Характер такой – я редко схожусь с людьми, кто бы там ни был. И с японцами, и с китайцами, и со всеми остальными.

С одним из тех китайцев я случайно встретился спустя десять лет, но об этом лучше рассказать позже.

Действие переносится в Токио.

* * *

Вторым для меня по порядку китайцем – за исключени-

ем тех одноклассников из Поднебесной, с которыми мне так и не удалось подружиться, – стала молчаливая студентка, с которой я познакомился на втором курсе, подрабатывая после занятий. Ей, как и мне, было девятнадцать, щупленькая, вполне могла считаться красавицей. Мы проработали вместе три недели.

Она работала с большим желанием. Под ее влиянием я тоже старался не ударить в грязь лицом, но если смотреть в корень, мне казалось, что наши стили работы различались по качеству. Мой принцип заключался в следующем: «Как минимум, если что-то делать, есть смысл делать это с огоньком». Тогда как ее энтузиазм был ближе к основам человеческого бытия. Толком объяснить я не могу, но в ее рвении ощущалась странная настойчивость, будто само рвение это с трудом, но поддерживает окружающую ее повседневность. Поэтому даже темп работы у большинства людей не совпал с ее темпом, что очень их злило. Работать с ней без ссор мог один я.

Но при этом и близкими наши отношения назвать было нельзя. Первый настоящий разговор случился у нас всего через неделю после начала работы. Ближе к концу того дня она впала на полчаса в панику. С ней такое случилось впервые. Началось все с небольшой оплошности, которая разбухла у нее в голове и превратилась в непоправимый гигантский хаос. Все это время она стояла как остоленевшая, не проронив ни единого слова. Будто в ночном море медленно тонул

корабль.

Я прекратил работу, усадил ее на стул, по одному расцепил сжатые пальцы и напоил ее кофе. Затем объяснил, что ничего плохого не произошло. Ошибка не смертельная, если переделать все с самого начала, много времени это не займет. Выпив кофе, она слегка успокоилась.

– Извини.

– Нет проблем.

После этого мы немного поболтали. Она сама сказала, что китаянка.

Мы работали в темном и тесном складе одного крошечного издательства. Простая и очень скучная работа. Я принимаю лист заказа и несу необходимое количество книг к выходу. Она обвязывает их и отмечает в книге учета. Вот и вся работа. Отопление там никто подключать не собирался, и, чтобы не замерзнуть насмерть, нам все равно приходилось постоянно двигаться.

В обеденный перерыв мы выходили на улицу, ели горячий обед и остаток времени, греясь на солнышке, читали газеты и журналы. Иногда, если возникало желание, болтали. Ее отец держал в Йокогаме маленькую фирму по импорту – в основном, завозил из Гонконга одежду на распродажи. Китаянка по происхождению, моя коллега родилась в Японии и никогда прежде не бывала ни в Китае, ни в Гонконге, ни на Тайване. Училась в обычной японской, а совсем не китайской школе. Поступив в женский институт, мечтала в буду-

щем стать переводчицей. Жила со старшим братом в квартире на Комагомэ³. По ее словам – «нежданно свалившись ему на голову». Ужиться с отцом она не смогла. Вот что мне удалось вкратце о ней узнать.

Заканчивались две недели марта, омываемые холодным дождем вперемешку с мокрым снегом. В конце последнего дня работы я получил в бухгалтерии расчет и пригласил девушку в дискотеку на Синдзюку, где несколько раз бывал и раньше.

Секунд пять она стояла, наклонив голову набок, но затем согласилась.

– С удовольствием. Только я ни разу не танцевала.

– Это просто.

Прежде всего мы пошли в ресторан, съели пиццу, запивая ее пивом, потом часа два потанцевали. В наполненном приятным теплом зале стоял запах пота и духов. Вспотев, мы возвращались на свои места и пили пиво, пот высыхал, и мы опять танцевали. Иногда мелькала вспышка, в свете которой девушка была прекрасна, будто на фотографии в старом альбоме.

Через некоторое время мы вышли на улицу. Ветер мартовской ночи был прохладен, однако в нем чувствовалось приближение весны. Мы еще не остыли после танцев, а потому пустились бродить по городу, держа куртки в руках. Заглянули в галерею игровых автоматов, выпили по чашке кофе,

³ Комагомэ – квартал в районе Тосима на северо-западе Токио.

потом опять бродили. Весенние каникулы⁴ едва перевалили за середину, а нам было всего девятнадцать. Скажи мне кто-нибудь: иди, – и я мог бы пойти хоть на край земли.

Часы показывали двадцать минут одиннадцатого, когда моя спутница сказала:

– Мне пора. До одиннадцати нужно быть дома.

– Что, так строго?

– Да, братец сказал.

– Не забудь туфельки.

– Туфельки? – Секунд через пять-шесть она смущенно засмеялась. – В смысле – Золушка? Не бойся, не забуду.

Мы поднялись по лестнице вокзала Синдзюку и сели на скамейку.

– Можно тебя пригласить еще?

– Да, – прикусив губы, несколько раз кивнула она. – Я не против. Ничуть.

Я спросил у нее номер телефона и записал его на обратной стороне спичечной коробки из дискотеки. Подошла электричка, я посадил ее в вагон и попрощался:

– Классно провели время, спасибо тебе. Пока.

Захлопнулись двери, состав тронулся. Я закурил и подождал, когда вагоны минуют платформу.

Прислонившись к столбу, я докурил сигарету. А пока курил, не знаю, почему, но поймал себя на мысли, что странно взволнован. Я затоптал окурки и вынул новую сигарету. Зву-

⁴ Учебный год в Японии начинается в апреле.

ки города растворялись в темноте. Я закрыл глаза, глубоко вздохнул и медленно покачал головой. Но так и не успокоился.

В принципе, ничего плохого. Пусть и не мастерски, но для первого свидания я вел себя вполне достойно. По крайней мере, все сделал по полной программе.

Но даже так что-то не шло из головы. Что-то мизерное, такое даже не выразишь словами. Это что-то где-то явно было утеряно. И я это понимал. Что-то утеряно.

Потребовалось пятнадцать минут, чтобы понять, что же *это* такое. В конце я сделал непростительную ошибку. Дуррацкую и бессмысленную. По части бессмысленности эта ошибка – чистый гротеск. Короче, я посадил ее на кольцевую линию Яманотэ не в ту сторону.

Зачем я это сделал, сам не пойму. Мое общежитие – на Мэдзиро, поэтому ей можно было сесть со мной в один поезд. Пиво? Может, оно? Или просто моя голова переполнилась собственными проблемами? Как бы там ни было, что-то повернулось не туда. Вокзальные часы показывали без четверти одиннадцать. К сроку она не успеет, если не заметит мою ошибку и не пересядет на обратное направление... Пожалуй, не пересядет, смутно догадался я. Пусть даже заметит сразу. Даже не так – пусть даже заметила до того, как двери захлопнулись.

Она вернулась на станцию Комагомэ в десять минут двенадцатого. Я стоял у лестницы. Посмотрела на меня и бес-

сильно улыбнулась.

– Ошибся, – сказал я ей. Она молчала. – Не знаю почему, но ошибся. Бес попутал.

–

– Вот и ждал. Решил извиниться.

Сунув руки в карманы, она поджала губы:

– Что, правда ошибся?

– Что значит – «правда»?.. Конечно, иначе так бы не вышло.

– Я думала, ты специально.

– Кто, я? – Что она хотела этим сказать, я не знал. – Почему ты думаешь, что я на такое способен?

– Не знаю.

Казалось, ее голос сейчас угаснет. Я взял ее за руки, посадил на скамейку, сам уселся рядом. Она вытянула ноги и пристально смотрела на носки белых туфельек.

– Почему ты подумала, что я это сделал нарочно? – еще раз спросил я.

– Думала, ты рассердился.

– Рассердился?!

– Да.

– Почему?

– Ну... я ведь сказала, что пора домой.

– Что со мной станет, если я буду сердиться всякий раз, когда девчонка уходит домой?

– Или же тебе со мной было неинтересно.

– Да ну! Это же я тебя пригласил.

– Но было скучно. Правда?

– Ничего не скучно. Очень даже интересно. Я не вру.

– Врешь. Разве со мной может быть интересно? Тебе, наверное, очень хотелось ошибиться, вот ты и ошибся.

Я вздохнул.

– Не бери в голову, – сказала она. – Со мной так не в первый раз. Боюсь, что и не в последний.

Из ее глаз скатились на куртку две слезинки.

Как быть, я представить себе не мог. Мы просто сидели и молчали дальше. Миновало несколько поездов, выплевывая на перрон пассажиров. Те пропадали наверху лестницы, и опять водворялась тишина.

– Оставь меня, пожалуйста.

Я молчал, не в силах что-либо сказать.

– Нет, правда, – продолжала она. – Если честно, мне было с тобой очень приятно. Давно так не было. Поэтому приятно вдвойне. Хотелось верить, что все будет хорошо. Даже когда ты посадил меня не в тот поезд, я подумала: ну и ладно. Какая-нибудь ошибка, а ты...

Она замолчала. Слезы капали на куртку, на ткани расплывались темные пятна.

– Но когда поезд проехал Токийскую станцию, мне все стало противно. Я не хочу, чтобы со мной так обходились. Я не хочу видеть сны.

Так долго она говорила впервые. А когда замолчала, меж-

ду нами повисла долгая пауза.

– Извини, я был не прав.

Ледящий ночной ветер растрепал вечерний выпуск газеты и погнал ее на край платформы.

Моя соседка откинула намокшую от слез челку вбок и улыбнулась:

– Ладно. Если разобраться, меня здесь быть не должно.

Здесь – это где? В Японии или на блуждающей в мрачном космосе глыбе гранита – я не знал. Я молча взял ее руки и положил себе на колени, мягко прижав своими. Ладони у нее были теплые и влажные. От этого тепла растаяли какие-то давние воспоминания. И я решительно заговорил:

– Слушай, может нам попробовать начать все с начала? Действительно – я тебя почти не знаю. Но хочу узнать. И мне кажется, чем глубже я тебя узнаю, тем больше ты мне будешь нравиться.

Она не ответила ничего, и только ее пальцы едва шевелились в моих руках.

– У нас должно все получиться, – сказал я.

– Думаешь?

– Пожалуй. Обещать не могу. Но постараюсь. Я хочу стать честнее.

– А мне... что мне нужно делать?

– Встретиться со мной завтра. Идет?

Она молча кивнула.

– Я позвоню.

Она вытерла кончиками пальцев остатки слез, сунула обе руки в карманы и сказала:

– Спасибо. И прости меня за все.

– Тебе не за что извиняться. Ошибся ведь я.

И мы расстались. Я остался сидеть на скамейке, вынул последнюю сигарету и выбросил опустевшую пачку в урну. Стрелки часов подбирались к полуночи.

Я понял вторую ошибку, совершенную в ту ночь, лишь спустя девять часов. Очень глупая и роковая оплошность. Вместе с пустой сигаретной пачкой я выбросил в урну спички с номером ее телефона. Ни в рабочем журнале, ни в телефонном справочнике его не было. То была наша последняя встреча с ней.

Она стала вторым китайцем в моей жизни.

Рассказ о третьем китайце

Он, как я уже говорил, был моим школьным приятелем. Другом моего друга. Мы виделись несколько раз.

В наших встречах не было ничего драматичного. Они не так случайны, как встреча Ливингстона и Стэнли⁵, не так трагичны, как встреча генерала Ямаситы и генерал-лейтенанта Персивала⁶, не так триумфальны, как встреча Цезаря со Сфинксом, не так страстны, как встреча Гёте и Бетховена.

Если и осмелюсь привести исторический пример (хотя впрочем усомниться в самой его историчности), наиболее подойдет встреча двух солдат в одном из ожесточенных боев Тихоокеанской войны, о котором я когда-то читал в детском журнале. Один из солдат – японец, другой – американец. Отставшие от своих отрядов, они вдруг чуть ли не столкнулись лбами на поляне в джунглях. Вскидывать оружие времени не

⁵ Имеется в виду встреча англо-американского журналиста и исследователя Африки Генри Моргана Стэнли (1841–1904) и пропавшего английского миссионера и путешественника Дэвида Ливингстона (1813–1873) в деревушке Уджи-джи на восточном берегу оз. Танганьика 10 января 1871 г.

⁶ Томоюки Ямасита (1888–1946) – японский военачальник, чьи войска после успешной наступательной операции захватили о. Сингапур. 15 февраля 1942 г. принял капитуляцию 138-тысячного контингента британских войск под командованием Артура Персивала (1887–1966), что стало самым унижительным поражением Британии во Второй мировой войне.

было, и они растерянно смотрели друг на друга, пока один из них (интересно, кто?) внезапно не поднял вверх два пальца – а это, как мы знаем, приветствие у бойскаутов. Так вот: второй ответил ему тем же, и они, так и не вскинув оружия, молча разошлись каждый в свою сторону.

Мне исполнилось двадцать восемь. Шестой год после моей женитьбы. За это время я похоронил трех кошек. Испепелил несколько надежд, завернув несколько горестей в толстый свитер, предал их земле. И все это – в необъятном гигантском городе.

Стоял морозный, словно окутанный тонкой пеленой декабрьский полдень. Так безветренно, что холод пробирает до костей. И даже проблески солнца не могли прогнать темно-серую тень, покрывавшую город. На обратном пути из банка я зашел в укромное кафе-стекляшку на улице Аояма, заказал кофе и стал листать только что купленную книжку. Насладившись первыми страницами, поднял взгляд на дорогу, всматриваясь в вереницу ползущих автомобилей, затем опять углубился в книгу.

– Привет, – сказал он и назвал мое имя. – Я не обозначился?

Я удивленно поднял глаза и кивнул. Лицо незнакомое. Примерно моего возраста, прилично одет – ладное синее пальто, галстук в тон, при этом все производит впечатление легкой поношенности. То же касалось и взгляда: если присмотреться, чего-то не хватало на ухоженном лице, в котором нагромодились несуразные, собранные по случаю

фрагменты. Будто разнокалиберная посуда на импровизированной вечеринке.

– Ничего, если я присяду?

– Пожалуйста, – ответил я. А что еще в такой ситуации скажешь? Он сел напротив, достал сигареты и зажигалку, но, не прикуривая, положил на стол.

– Не припоминаешь?

– Нет, не помню, – беспомощно признался я, расставшись с надеждой что-либо вспомнить. – Извини, но так со мной постоянно – с трудом вспоминаю лица.

– Стремись забыть прошлое? Вот что это такое. Видимо, подсознательно.

– Может, и так, – согласился я. Пожалуй, так оно и есть.

Когда официантка принесла воды, он заказал кофе по-американски, попросив сделать послабее.

– Желудок болит. Вообще-то врач запрещает и кофе, и курево, – лукаво улыбнулся он. Затем повертел в руках сигаретную пачку. – Вот такие, брат, дела. Кстати, к нашему прошлому разговору. Я помню все прошлое абсолютно точно так же, как ты его забываешь. Странное дело, да? И чем больше силюсь хоть как-то забыть, тем явственней вспоминаю разные факты. Прямо беда...

Какая-то часть моего сознания противилась такому поползновению на мое личное время, но другую его ораторские приемы увлекли.

– Явственно вижу все, что было тогда. Начиная с погоды,

температуры воздуха – вплоть до запаха. Иногда сам не могу понять, где же я настоящий? А с тобой такое бывало?

– Нет, не бывало, – не умышленно, но при этом холодно ответил я. Однако собеседник мой не показал виду. Несколько раз довольно кивнул и продолжил:

– Вот почему я помню тебя так отчетливо. Шел по улице, бросил взгляд за стекло – и сразу все понял. Я ни от чего не отвлекаю?

– Нет, вот только я вспомнить никак не могу. Ты, конечно, извини...

– Ничего, я сам виноват – морочу тебе голову. Не переживай. Придет время вспомнить – всплывет в памяти само. Дело такое.

– Может, скажешь, как тебя зовут? А то я ребусы не люблю.

– Причем тут ребус? Считай, что у нынешнего меня нет имени. Раньше было... незапятнанное такое, лучезарное. – Он добродушно улыбнулся. – Вспомнишь его – хорошо, нет – тоже ничего. По правде говоря, мне все равно.

Принесли кофе, он стал прихлебывать, но, казалось, без особого наслаждения. Я не смог уловить в его словах смысла.

– Слишком много воды утекло под мостом. Ну, помнишь, в учебнике по английскому... в старших классах?

– В старших классах?

– Как много может измениться за какие-то десять лет. Разумеется, нынешний я существует благодаря тому мне де-

сятилетней давности, но ощущения этого у меня нет. Будто где-то мое нутро подменили. Что думаешь?

– Не знаю.

Он скрестил руки и прочнее уселся на стуле. На этот раз выражение его лица недоумевало: дескать, а это еще почему?

– Ты женат? – не меняя позы, спросил он.

– Да.

– Дети есть?

– Нет.

– А у меня есть – мальчик.

Разговор о детях на этом иссяк, и мы замолчали. Стоило мне взять в руку сигарету, как он моментально поднес зажигалку.

– Кстати, а чем ты занимаешься?

– Мелкой торговлей, – ответил я.

– Торговлей? – отвесив челюсть, спросил он после немой паузы.

– Так, ничего особенного, – попытался увильнуть я.

– Странно, по тебе не скажешь, что ты торгуешь, – не твое это.

– Да ну?

– Ты ж еще в те времена читал сплошные книжки, – удивленно продолжал он.

– Книжки, скажем, я и сейчас читаю, – с ухмылкой пробормотал я.

– А энциклопедию?

– Что... энциклопедию?

– Имеешь?

– Нет, – ничего не понимая, покачал я головой.

– Ты не читаешь энциклопедию?

– Почему? Попадает под руку – читаю.

– Дело в том, что я сейчас занимаюсь продажей энциклопедий.

Наполовину занимавший меня интерес к этому человеку моментально исчез. Я вздохнул и затушил сигарету. Даже вроде бы слегка покраснел:

– Нельзя сказать, что не хочется, но я едва начал возвращать долги.

– Ладно, перестань. Не скромничай. Я тоже бедный. Так же смотрю на небо, обращаясь к богу. К тому же, я совсем не собирался тебе эту энциклопедию всучивать. По правде говоря, мне можно не продавать японцам. Такое вот решение.

– Японцам?

– Да, я специализируюсь на китайцах. Выписываю из телефонной книги живущие в Токио китайские семьи и все их обхожу. Не знаю, чья это мысль, но вполне удачная. Продажи тоже неплохие. Стоит лишь позвонить в дверь и протянуть визитную карточку. Нечто вроде братской дружбы...

Что-то внезапно зашевелилось в мозгах.

– Вспомнил!

– Да ну?

Я назвал вдруг пришедшее на ум имя, и оказалось – точно:

китаец, мой товарищ по старшей школе.

– Как получилось, что я начал продавать энциклопедии соотечественникам, ума не приложу.

Разумеется, не знал об этом и я. Насколько помню, он был неплохо воспитан и оценки имел выше, чем у меня. Пользовался успехом у девчонок.

– Это долгая, мрачная и банальная история. Лучше тебе ее не знать, – сказал он.

Я молча кивнул.

– Почему я тебя окликнул? Что-то нашло. Наверняка. А может, у меня с рождения нет жалости к себе. В любом случае я тебе помешал.

– Да нет, все нормально. Совсем не помешал. – Мы встретились взглядами, по-прежнему сидя друг против друга. – Как-нибудь увидимся еще.

Мы на пару умолкли. Я докуривал сигарету, он допивал кофе.

– Ладно, мне пора, – сказал он, рассовывая по карманам сигареты и зажигалку. – Хватит здесь лясы точить. Есть чем еще позаниматься.

– А у тебя есть буклет?

– Какой еще буклет?

– Энциклопедии.

– А-а, – растерянно протянул он. – Сейчас при себе нет. Хочешь посмотреть?

– Было бы неплохо.

– Я тебе его тогда отправлю почтой. Давай адрес.

Я вырвал из блокнота листок, написал адрес и протянул ему. Он аккуратно свернул вчетверо и положил в визитницу.

– Хорошая энциклопедия. Фотографий много. Наверняка пригодится.

– Не знаю, через сколько лет, но как появятся лишние деньги – непременно куплю.

– Ну и хорошо. – И он опять улыбнулся, словно с предвыборного плаката. – Но я к тому времени скорее всего с энциклопедиями уже покончу. Дальше – не знаю. Может, страхование жизни... И опять же – китайцев...

5

Если я в свои тридцать лет опять врежусь на всей скорости в баскетбольную стойку или проснусь под виноградной полкой с бейсбольной перчаткой под головой – что я вскрикну на этот раз? Не знаю. Нет, пожалуй, вот что: *«Эй, мне здесь не место!»*

Додумался я до этого в вагоне линии Яманотэ. Я стоял перед дверьми и разглядывал пейзажи за окном, крепко сжимая – чтобы не потерять – билет. Наш город... От пейзажей этих мое сердце содрогнулось. Подобная мутной кофейной жиже, знакомая сумрачная тьма, в которую погружаются городские жители, словно это – календарные праздники. Бескрайние вереницы зданий и жилья, туманно-пасмурное небо. Выстроенные в ряды стада машин, изрыгающих углекислый газ. Старые хлопчатобумажные занавески на окнах тесных и убогих деревянных домов – в одном из них живу я. И суета бесчисленных людишек внутри. Бесконечная амплитуда – от гордости до жалости к себе. Это и есть – город.

Ничем не отличается от некой рекламы в вагоне. Новая помада для нового сезона. Никакой сущности. Гигантская империя посредников раздувается все больше и больше от бесполезных покупок и продаж...

«Если разобраться, – сказала она, – меня здесь быть не должно».

Китай.

Я прочел много книг о Китае. От исторических хроник до «Красной звезды над Китаем»⁷. Но даже при этом мой Китай – Китай лишь для меня самого. Или я сам. То же – с моим Нью-Йорком, Петербургом, Землей, Вселенной.

На глобусе Земли Китай – желтого цвета. Не думаю, чтобы мне довелось там побывать. Ведь это не мой Китай. Вряд ли мне удастся съездить и в Нью-Йорк, и в Ленинград. Там – не место для меня. Дороги моих скитаний пролегают сквозь вагоны метро и задние сиденья такси. Пути моих приключений не ведут дальше зубных кабинетов и приемных окошек в банке. Мы можем пойти куда угодно и не можем пойти никуда.

Токио.

И вот однажды в вагоне линии Яманотэ даже Токио неожиданно начинает терять свою реальность... Да-да, здесь – не мое место. Слова когда-нибудь стихнут, мечты – рухнут. Как минула скучная юность, казавшаяся бесконечной. Когда все погибнет и исчезнет с лица земли, останется, пожалуй, лишь гробовая тишина да бесконечный мрак.

Неверный диагноз... Неверный диагноз, как говорила та китайская студентка (или же как говорит врач-психоаналитик), в конечном итоге, является парадоксальным желанием.

⁷ «Красная звезда над Китаем» (1937) – книга американского журналиста Эдгара Сноу (1905–1972) о революционном движении в Китае, приведшем к основанию Китайской Народной Республики.

Выхода нет нигде.

Но даже при этом – уложу-ка я на дно чемодана остатки гордости верного аутфилдера, сяду на каменные ступени в порту и подожду, когда на чистом горизонте появится медленная шляпка в Китай. Подумаю о сверкающих под солнцем крышах китайских городов, представлю зеленые луга.

Поэтому нечего мне больше бояться. Так, как в бейсболе бэттер боится подачи «черным ходом», как революционер боится виселицы. Но если все-таки мечта сбудется...

Друг!

Друг мой, Китай уж очень далеко.

Апрель 1980 г.

История бедной тетушки

1

А началось все в ясный июльский полдень. В исключительно прелестный воскресный полдень. Даже валявшаяся на газоне скомканная обертка от шоколада в этом королевстве июля сияла горделивым светом, подобно легендарному кристаллу на дне озера. Непрозрачная и изящная солнечная пыльца, как бы стесняясь, медленно планировала на земную поверхность.

Возвращаясь с прогулки, я присел на площади перед кинотеатром и вместе с подругой рассеянно принялся разглядывать бронзовые статуи единорогов⁸. Закончился сезон дождей, и свежий ветерок шевелил древесную листву, гонял невысокие волны на поверхности мелкого пруда. В прозрачной воде утонуло несколько рыжих банок из-под колы – они смотрелись на дне руинами заброшенного города. Пока мы с подругой сидели на берегу, прямо перед нами успели пробежать несколько бейсбольных команд в одинаковой форме, собака наперегонки с велосипедом из проката и моло-

⁸ В реальности бронзовые статуи единорогов находятся у фонтана перед Мемориальной картинной галереей Мэйдзи в Токио, возведенной в 1926 г.

дые иностранцы в спортивных шортах. Из забытого кем-то на газоне радиоприемника едва слышно развевалась по ветру слащавая попса. Песня о потерянной либо грядущей любви. Мелодию я, кажется, узнал, но вот слышал ли я ее раньше? Может, просто похожа на другую песню. Солнечные лучи без остатка впитывались в мои руки.

Не знаю, почему бедная тетушка потревожила мою душу в такой солнечный полдень. Ведь поблизости не было никаких бедных тетушек – так с чего бы мне ее вообразить? Но она все равно мне явилась – и тут же исчезла. Задержалась в сердце на долю секунды, навсегда оставив по себе странную леденящую пустоту в человеческом облике. Словно кто-то за окном пролетел.

Бедная тетушка?

Я еще раз обернулся, на всякий случай даже задрал голову к летнему небу. Слова гасли в воскресный полдень, подобно ветру или же невидимой траектории пули. Все так начинается. В какой-то момент все существует, потом раз – и все потеряно.

– Хочу что-нибудь написать о бедной тетушке, – сказал я подруге. Ведь я из тех, кто пытается писать истории.

– О бедной тетушке? – слегка удивилась она и пожала плечами, будто бы покрутив в руках саму фразу «бедная тетушка», но так ничего и не поняв. – Почему о тетушке?

Почему, не знал я и сам. Меня отчего-то всегда цепляет то, чего я не понимаю. Мимолетное чувство – вроде пробе-

жавшей тени облачка, только и всего.

– Просто подумал о ней. Невзначай.

Пока мы искали слова, зависла долгая пауза. И сердца наши связывал лишь нежный звук вращения Земли.

– И что, *ты* будешь писать о бедной тетушке?

– Да, я.

– И кто-то будет читать?

– Может, и будет, – ответил я.

– Но ты все равно напишешь?

– Ничего не поделаешь, – попробовал оправдаться я. – Не знаю, как тебе объяснить... Может, я и впрямь открыл не тот ящик. Но в конечном итоге, я сделал это сам. Как-то так.

Она молча улыбнулась. Я вынул из кармана мятую сигарету и закурил.

– Кстати, у тебя что, среди родственников есть бедная тетушка?

– Нет.

– А у меня есть. Настоящая. Я прожила с ней несколько лет.

– А-а.

– Но я о ней ничего писать не собираюсь.

В радиоприемнике сменилась мелодия – очень похожа на первую, но ее я совсем не узнал. Казалось, весь мир полон потерянной и грядущей любви.

– Выходит, у тебя нет ни одной бедной тетушки? – продолжала она. – Но даже при этом ты хочешь о ней что-то на-

писать. Не странно?

Я кивнул:

– Интересно, почему?

Она лишь склонила голову набок, но ничего не ответила. Казалось, от моего вопроса у нее свело судорогой пальцы, которые засасывал подводный ил. И только мой вопросительный знак по-прежнему сверкал на солнце, как до блеска отшлифованная железка на дне пруда. Лежит там и наверняка достает тем же вопросом окружающие жестянки из-под колы.

Почему? Почему? Почему?

– Я не знаю, – спустя вечность отрывисто сказала подруга.

Я подпер ладонью щеку и, как был, с сигаретой во рту, еще раз окинул взглядом единорогов. Два животных, встав своими четырьмя копытами на дыбы, словно махали вслед унесенному куда-то времени.

– Я лишь знаю, что человек с подносом на голове не сможет задирать голову к небу. Это я о тебе.

– А если конкретней?

Вытерев мокрый палец о рукав, она посмотрела мне прямо в лицо.

– Кажется, я тебе сейчас ничего объяснить не смогу. Ничегошеньки.

Я вздохнул.

– Извини.

– Да ладно. Похоже, мне сейчас даже подушка-думочка не

советчик.

Она снова улыбнулась:

– К тому же у тебя нет даже бедной тетушки.

Да.

У меня

Нет даже бедной тетушки...

Ну чем не куплет?

2

А вдруг бедной тетушки нет и у тебя? Раз так, выходит, что «неимение бедной тетушки» – наша общая черта. Странная общая черта! Общая черта, похожая на тихую утреннюю лужицу.

Однако ты же не мог не видеть бедную тетушку на чьей-нибудь свадьбе.

Как стоит на любой книжной полке хоть одна долго не читанная книга, как висит в любом гардеробе хоть одна долго не ношенная сорочка – на любой свадьбе есть хоть одна бедная тетушка.

Никто ее никому не представляет, никто с ней не заговаривает. Никто не просит толкнуть речь. Она, как старая молочная бутылка, аккуратно садится за стол, беспомощно хлюпая, поглощает кукурузный суп, ест салат вилкой для рыбы, вылавливает фасоль – и в конце ей не хватает ложечки для мороженого. Ее подарок, если повезет, растворится в глубине антресолей, если нет – при переезде отправится на помойку вместе с различными кегельбанными призами.

Она даже возникает порой на страницах изредка раскрываемых свадебных альбомов, но доверия не внушает, даже если выглядит аккуратной утопленницей.

– Кто эта женщина? Смотри, вот эта, во втором ряду, в очках...

– А-а, да никто, – отвечает молодой муж. – Просто бедная тетушка.

У нее нет имени. Просто бедная тетушка. Только и всего.

* * *

Конечно, можно сказать, что имя рано или поздно исчезнет.

Но произойти это может по-разному. Первый тип – когда имя исчезает сразу после смерти. Все просто. «Высохла река. Погибла рыба». Или же: «Пламя охватило лес, сгорели птицы»... Мы оплакиваем их смерть. Второй тип – как у старого телевизора: после смерти на экране проскакивают белые полосы, но в конце концов все гаснет. Тоже неплохо. Как под стопой заблудшего индийского слона, но все-таки – неплохо. И, наконец, последний тип – когда имя пропадает еще до смерти. В смысле, как у бедных тетушек.

Но бывает, я и сам, себя не помня, впадаю в «состояние бедной тетушки». В суতোлке вечерних перронов не помню ни имени, ни адреса, ни куда мне нужно ехать. Само собой – ненадолго. Секунд на пять – десять.

Бывает и так. Кто-нибудь говорит:

– Никак не могу вспомнить твое имя.

– Ладно. Не бери в голову. Ничего важного в этом имени нет.

А он тычет себе в кадык и приговаривает:

– Ведь вертится на языке...

В такие минуты я чувствую, будто зарыт в землю и на поверхности торчат лишь пальцы правой ноги. Этот кто-нибудь замечает и начинает извиняться. Ты, мол, прости, но вот-вот было вспомнил...

Хорошо, а *куда* исчезают потерянные имена? В городе-лабиринте вероятность их выживания крайне мала. Некоторые расплющиваются в лепешку под колесами тяжелых грузовиков, некоторые умирают под забором, не найдя денег на электричку, некоторые тонут в глубокой реке с полными карманами гордости.

Но даже при этом какие-то умудряются выжить, добрести до города утерянных имен, где они создают себе укромное общество. Маленький, очень маленький городок. При входе в который, пожалуй, стоит вывеска:

ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН!

Зашедшие туда без всякой надобности должны получить легкое возмездие.

Или же то было легкое возмездие, устроенное мне самому. К моей спине прилипла маленькая такая бедная тетушка.

Впервые я обратил на нее внимание в середине августа. Причем не то чтобы как-то заметил ее присутствие. Просто вдруг почувствовал. Глядь, а на спине у меня – бедная тетушка.

Нельзя сказать, что мне было неудобно. Ноша не из тяжелых, в ухо гадостью никто не дышит. Она просто прилипла ко мне – плотно, словно отбеленная тень. Ее не замечали даже посторонние – если не присматривались. Живущие у меня кошки подозрительно косились на нее первые два-три дня, но когда поняли, что на их территорию она не претендует, быстро к ней привыкли.

Не могли успокоиться лишь несколько моих товарищей. Бывало, в самый разгар посиделок с выпивкой у меня из-за спины на них устремлялся острый взгляд.

– Прямо жуть берет.

– Не обращай внимания, – говорил я. – Вреда-то никакого.

– Это понятно, но все равно как-то не по себе.

– А-а.

– Где ты ее подцепил-то?

– Да нигде, – ответил я. – Появилась, пока я тут думал.

Вот так.

Он кивал. При этом вздохнув.

– Понимаю. Это в твоем характере.

– Ну.

Еще час мы пили виски, однако настроение было испорчено.

– Слышь? – спрашивал я. – Что в этом такого невыносимого?

– Такое ощущение, будто за мною следит мать.

– Интересно, почему?..

– Что значит – почему? – смущенно говорил он. – Потому что она сидит у тебя на спине.

Обобщив некоторые мнения, я пришел к выводу, что у меня за спиной (сам я этого видеть не мог) – не какая-то конкретная тетушка, а нечто эфемерное, меняющее облик в зависимости от моих собеседников.

Один приятель увидел в ней свою собаку Акиту-ину, умершую прошлой осенью от рака пищевода.

– Было ей пятнадцать лет. Возраст для собак преклонный.

Но не от рака же пищевода!..

– Рак пищевода?

– Да – рак, образующийся в пищеводе. Тяжко. Мне бы так не хотелось. Каждый день постанывала. Но голоса при этом не подавала.

– А-а.

– Я хотел было ее усыпить, да мать была против.

– Почему?

– А кто ее знает? Видимо, не хотела пачкать руки, – совсем без интереса ответил он. – А та два месяца мучилась на капельнице. На полу в чулане. Суший ад... – И он на время замолк. – Не собака – так себе. Трусиха. Как увидит людей, давай лаять. Толку от нее никакого. Только надоедает. В болячках вся.

Я кивнул.

– Ей бы не собакой, а цикадой родиться. Куда больше сча-

стья. Без умолку трещи себе – никто слова не скажет. И не было бы этого рака пищевода.

Но она оставалась собакой и сидела у меня на спине с пластиковой трубочкой изо рта.

Одному риелтору она казалась учительницей из начальной школы.

– Пятидесятый год. Самое начало Корейской войны, – говорил он, вытирая пушистым полотенцем пот с лица. – Два года подряд вела наш класс. Приятно вспомнить. Хотя чего приятного, когда я ее почти забыл?

Посчитав меня родственником этой учительницы, он предложил мне холодного ячменного чаю.

– Если подумать, бедная женщина. Не успела выйти замуж, как мужа забрали в солдаты. Посадили на судно, а судно по пути того – хлоп из пушки, и все. Кажется, в сорок третьем. Она продолжала преподавать, а на следующий год бросилась в огонь при налете. С левой щеки и до самой руки... – Он провел пальцем длинную линию от левой щеки, допил чай и вытер полотенцем пот. – Говорят, была красивая. А тут такая жалость... Даже характер изменился. Была б жива, под шестьдесят уже было бы. А так... уже в пятидесятом...

Вот так приобретает очертания карта квартала, а также таблица мест на свадебный банкет. Постепенно расширяется круг бедных тетушек, и прежде всего – на моей спине.

Но вместе с тем из моего окружения один за другим, как

зубцы расчески, стали пропадать друзья.

– Сам-то он парень ничего. Вот только не хотелось бы каждый раз видеть лицо матери. – Или же старой собаки, умершей от рака пищевода, или учительницы с ожогами.

Я почему-то стал ощущать себя креслом дантиста. Никто меня не грузит, никто не презирает. Но все меня при этом избегают. А встретившись где-нибудь случайно, тут же пропадают по вполне уважительной причине. Одна девчонка даже призналась честно: с тобой я чувствую себя неловко.

– Но я ведь не виноват.

– Понимаю. – И она неприятно засмеялась. – Была бы у тебя за спиной стойка для зонтиков, еще куда ни шло...

Стойка для зонтиков.

Ну и ладно. Шибко общительным меня не назовешь. Чем жить со стойкой для зонтиков, лучше уж так, как сейчас.

Вместо этого обо мне начали писать в некоторых журналах. Репортеры заявлялись чуть ли не каждый день, фотографировали, а если тетушка на снимке выходила неудачно, еще и сердились. И завалив неуместными вопросами, убирались восвояси. Я эти журналы даже не открывал. Прочел бы какую-нибудь статью о себе – наверняка бы повесился.

Один раз даже попал на утреннюю телепрограмму. Меня разбудили в шесть, отвезли на машине в студию, напоили подозрительным кофе. Ведущий – полупрозрачный комментатор средних лет. Поди чистит зубы по шесть раз на день.

– Итак... наш сегодняшний гость – господин N.

Аплодисменты.

– Доброе утро.

– Доброе утро.

– Господин N по некой случайности стал носить на спине бедную тетку. Не могли бы вы рассказать, как это все и как оно вам...

– В принципе, ничего ужасного. Она не тяжелая, еды и питья не просит.

– И плечи у вас...

– ...не болят.

– Как давно она к вам прицепилась?

Я вкратце рассказал историю о площади с единорогами, но ведущий смысла так и не уловил.

– Одним словом, – сказал он, откашлявшись, – эта тетка хоронилась в пруду, у которого вы присели, а затем забралась вам на спину?

Я покачал головой. Хотя тут явно требовался какой-нибудь анекдот или, на худой конец, второсортная страшилка.

– Бедная тетушка – не призрак. Она нигде не прячется. Ни к кому не цепляется. Она, если так можно сказать, – просто слово, – раздраженно пояснил я. – Просто слово.

Все слушали молча.

– В общем, слова – это нечто вроде электрических полюсов, соединенных сознанием. И если через них долго пропускать одинаковый импульс, в них непременно возникнет какая-нибудь реакция. Естественно, вариант этой реакции у

каждого свой. У меня это – чувство независимого существа. Такое ощущение, будто во рту набухает язык. И к спине у меня, в конечном итоге, прицепилось словосочетание «*бедная тетюшка*». В нем нет ни смысла, ни формы. Можно сказать, нечто вроде общего символа.

Ведущий не знал, что сказать.

– Вот вы говорите – без смысла и формы. Однако мы сейчас отчетливо видим у вас за спиной некую форму, которая несет для каждого из нас свой смысл.

Я пожал плечами:

– Ну... это и есть символ.

– Выходит, – чтобы хоть как-то разрядить обстановку, начала вопрос молодая ассистентка, – при желании вы можете свободно вычеркнуть собственной волей из сознания этот имидж или существо?

– Это невозможно. То, что уже возникло, продолжает существовать вне моей воли. Это как воспоминания. Знаете же, какие они бывают – нипочем не забудешь, особенно если хочешь забыть.

Ассистентка, несогласная с моим ответом, гнула свое:

– Например, мне тоже под силу процесс общей символизации сказанных вами слов?

– Думаю, да.

– Если я, – вставил свое слово ведущий, – например, буду каждый день, каждый раз повторять слово «общий», значит, у меня на спине когда-нибудь может возникнуть *общая* фи-

гура?

– Пожалуй.

– Получается, осуществляется общая символизация слова «общий»?

– Именно так. – От прямых попаданий софитов у меня разболелась голова.

– Кстати, а как выглядит это самое «общее»?

– Не знаю, – ответил я. – Эта проблема превышает силу моего воображения. С меня хватает бедной тетушки на спине.

Разумеется, все в мире – буффонада. Кто может этого избежать? От ярко освещенного павильона телестудии до шалаша отшельника в глубине мрачного леса, – все неизменно. И я с бедной тетушкой на спине продолжаю свой путь в этом мире. Разумеется, в этом мире буффонады я – редкостный клоун. Еще бы – ведь у меня на спине бедная тетушка. Видимо, права была та девушка со своей стойкой для зонтиков. Может, тогда бы люди приняли меня в свой круг. Я бы раз в две недели перекрашивал стойку, появлялся бы на вечеринках.

– Привет! Что, на этой неделе стойка розовая? – спрашивает некто.

– Да, – отвечаю я. – Всю неделю настроение – в розовых тонах.

Глядишь, ко мне бы приставали молодые симпатичные девушки:

– Послушай, твоя стойка – такая милашка!

Для них было бы прекрасным переживанием – нырнуть в постель с парнем, таскающим за спиной розовую стойку для зонтиков.

Но, к сожалению, таскал я не стойку, а бедную тетушку. Со временем интерес людей ко мне и моей тетушке на спине поубавился. И в конце концов, оставив по себе лишь каплю злости, исчез напрочь. В результате (как говорила моя подруга) бедная тетушка не волнует никого. Легкая начальная заинтересованность изжила себя и растворилась бесследно. Осталась лишь тишина – как на морском дне. Но такая тишина, будто я и бедная тетушка слились в единое целое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.